

Мы уже подходили к крыльцу заводской лаборатории, когда семенящий впереди провожатый, не дожидаясь вопросов, начал торопливо перечислять:

— На первом этаже окна зарешечённые, все целые. Замки на дверях — тоже. Вот, посмотрите.

Когда он показывал рукой на проглянувшее сквозь кусты окно, на худой старческой спине сквозь застиранный синий халат остро проступили лопатки. А когда оглянулся на нас, на его лице было то же самое отрешённое выражение, что и у остальных, встретившихся нам по пути, рабочих — смесь безысходности, недоумения и брезгливости. Выражение, навечно поселившееся в их печальных и малоподвижных, как у крупных птиц, глазах.

— Свободным доступом ушли эти тигли... свободным доступом... — проворчал себе под нос, пружинисто шагающий рядом со мной плотно сбитый и коротко стриженный гэбэшник, в расстёгнутом длинном плаще. И, словно ища подтверждение своих слов, многозначительно свёл брови над широким боксёрским носом и глянул сначала на меня, а затем на своего старшего товарища, шедшего вслед за нами. Я счёл нужным как-то отреагировать на его замечание и чуть развёл руки в стороны, приподняв при этом плечи: мол, «поживём — увидим». Его коллега, казалось, не обратил на сказанное ни малейшего внимания. Его плащ был застёгнут на все пуговицы, сидящие волосы тщательно причёсаны, а лицо выражало только удовольствие от налетевшего с реки

свежего ветерка. Я же всеми силами пытался не выдать смущения от того, что вообще впервые оказался в роли сыщика и с трудом представляю, что мне нужно делать.

День не задался с утра. Начальник районной уголовки, в которую я был направлен на практику, мягко, но непреклонно извлёк меня из сухого и тёплого кабинета, в котором я должен был учиться бумажным премудростям оперской работы. И не смотря на все мои мольбы и аргументы отправил на другой конец города — на этот угрюмый завод.

— Ибо теория без практики мертва, а пока дело раскроешь, как раз документы составлять и научишься, — подытожил он, назидательно покачивая у меня под носом прокуренным указательным пальцем.

Затем, видимо, сполна насладившись моим опешившим видом, добавил уже мягче:

— Машину я тебе, конечно, не дам, но на заводе тебя встретит местный товарищ, вот он-то тебе и поможет. Ну, с богом! — закончил он, уже отворачиваясь от меня и на ходу начиная вчитываться в протянутую секретаршей кипу документов.

Лучше всего добираться до места было электричкой. Прячась от дождя в пропахшем мочой и бомжами вокзале, я от скуки разглядывал стенд информации с частными объявлениями. Моё внимание привлёк предвыборный плакат с цветным фото Ельцина в спецназовском берете, поперёк которого неведомым избирателем размашисто было выведено всем известное слово. Галочка над и кратким пришлась ровно на то место, где военные носят усы. От этого преобразившийся президент стал точь-в-точь как мой покойный взводный командир Еремеев. Мне стало так не по себе, что я решил выйти наружу — как раз к прибывшей электричке.

В вагоне мне сначала пришлось доказывать контролёрам, что, хотя я и стажёр по документам, но всё же милиционер и имею право на бесплатный проезд. Тем более, тут я многозначительно снижал тон, что я на задании. А через какое-то время смущённо перед ними оправдываться за то, что я не собираюсь высаживать из электрички

жизнерадостный цыганский табор с визжащими детьми. В довершение ко всем злоключениям на нужной остановке мне пришлось долго идти через заросшее камышом болото по хлипким деревянным мосткам, и конечно же, ушёл я совсем не в ту сторону.

Наконец, кое-как очистив ботинки от болотной тины о сырую траву, я ступил на заводскую проходную, где меня ожидал обещанный начальником «местный товарищ». Выслушав мои объяснения, матёрый опер в прожжённом на груди пальто, покачал седеющей кудлатой головой и вручил мне картонную папку со схемой места происшествия и материалами первичного осмотра. Предложив при этом сопроводить на место только что подъехавших гэбэшников, заняв их по дороге умными разговорами о криминалистике. Пока, стало быть, мы все ожидаем прибытия директора завода. Он, опер, займётся кучей других краж, совершенных с родного предприятия ошалевшими от безденежья работниками. Напоследок он взмахнул ладонью, словно отметая все мои возможные возражения, и, оставляя за собой запах крепких сигарет и перегара, направился к видневшимся невдалеке цехам.

Воздух в лаборатории был пропитан знакомым со школы кислым запахом химических реактивов. Сама она представляла полутёмный коридор с чередой выкрашенных в одинаковый синий цвет деревянных дверей. Та, что была нам нужна, находилась возле входа. Место преступления оказалось невзрачной камеркой с зарешечённым оконцем, письменным столом, стеллажами и сейфом в углу. Именно сейф нас и интересовал. Обычный громоздкий несгораемый шкаф с двумя отделениями. Такой был у моего армейского старшины в каптёрке и при определённом навыке легко открывался отвёрткой. Сейчас он был закрыт, а ключ хранился у материально ответственного лица — Мелентьиной О. Н., о чём гласила бумажная бирка на железном боку сейфа.

Что именно похищено, я узнал тоже весьма для себя неожиданно — из разговора моих компаньонов, разглядывавших это ничем особо не примечательное хранилище

ценностей. Осматривая его, с каким-то совершенно излишним, на мой взгляд, благоговением младший из гэбэшников произнёс:

— Почти два килограмма платины хранить в таком сарае...

— Да уж, — подал голос его старший коллега, при этом лицо его приняло приличествующее горькой обиде за державу выражение.

Так вот в чём дело! До меня наконец начал доходить смысл происходящего. Вот почему здесь гэбэшники, вот почему меня сюда отправили «на усиление» местному оперу. Всё дело в ценном металле, стоимость которого нынче измеряется в цифрах с длинным хвостиком нулей.

— Сто тысяч баксов, — словно прочитал мои мысли младший.

В середине девяностых названия металлов из таблицы Менделеева запросто перешли в разговорную речь. В транспорте или на улице можно было встретить неприглядного вида мужичков или подростков, степенно беседующих о ценах на медь и алюминий, правда не на бирже, а в ближайшей приёмке металла. Дельцы покрупнее вполголоса обсуждали схемы продажи за границу никеля, вольфрама и олова, пока что в достатке имевшегося на оборонных заводах. Страна старательно отрабатывала присвоенную ей роль сырьевого придатка и жизнерадостно потребляла ввезённые взамен сырья водку и спирт вкупе с шоколадными батончиками «Сникерс».

Кроме сейфа, смотреть в лаборатории было больше не на что. Развязав картонную папку, переданную мне опером, мы обнаружили нарисованный шариковой ручкой на листе серой бумаги план камеры и отчёт о проведенных первоначальных следственных действиях. Следов взлома ни на входной двери, ни на сейфе нет. Эксперт-криминалист для порядка вымазал ручку входной двери и дверцу сейфа порошком и снял с них отпечатки. Ещё прилагалось объяснение заведующего лабораторией, которое ставило под сомнение результативность всех вышеперечисленных мероприятий, так как свидетельствовало о том, что вверенное ему заве-

дение — проходной двор, двери в котором всегда нараспашку и воровали здесь каждый божий день. Украденная платина была не просто слитком металла, но специальной химической посудой — тиглями, предназначенными для опытов с агрессивными химическими веществами. Для чего в простодушные советские времена и использовали этот тугоплавкий благородный металл. С тех самых времён и пылились в сейфе три цилиндрические ёмкости массой по шестьсот граммов каждая.

В лабораторию позвонили и пригласили нас в заводууправление, прибыл директор. Выйдя на свежий воздух, я испытал приступ нервного возбуждения — то ли от открытого пространства, то ли от чувства сопричастности к такому необычному событию. Похоже, что мои спутники испытывали такие же чувства. По крайней мере старший, до этого не слишком разговорчивый, доверительно поделился со мной недавней историей, подтверждающей творящийся вокруг вселенский бардак. На прошлой неделе он съездил на соседний завод, в котором кладовщица при приёмке имущества обнаружила бесхозный фанерный ящик с четырьмя пудами промышленной взрывчатки-аммонит. Ящик преспокойно стоял с семидесятых годов в кладовой, приспособленной работягами под курилку и притом в полуметре от электрического щита.

— Салют из окурков на полкилометра, — закончил он шутивным тоном знатока, чем безоговорочно завоевал моё доверие.

Директором АО был молодой мордатый парень с привычными атрибутами успешного человека тех лет — золотой цепью и малиновым пиджаком. Он выслушал нас, насуплено разглядывая лежавшую перед ним на столе массивную мобилу. Лишь пару раз досадливо поморщился, когда его назвали потерпевшим. Из чего я сделал для себя вывод, что блатной лексикон ему не чужд. А названная стоимость пропавших тиглей заставила его и вовсе помрачнеть. Он уставился поверх наших голов, видимо, пытаясь себе представить того, кто как крыса тащит у него из-под носа по частям завод.

Говорить пришлось мне, так как «местный товарищ» совещание проигнорировал. В своем ответном слове директор в кратких, но энергичных выражениях выразил надежду на то, что, несмотря на повальное воровство цветных металлов на вверенном ему заводе, этой краже наши славные органы уделят особое внимание. На том мы и разошлись.

Рабочий день закончился, телефон в кабинете начальника не отвечал, опер также растворился в сумерках. Поэтому я счёл за благо согласиться на любезное предложение старшего гзбешника подбросить меня до города на служебной машине.

На следующий день я сразу поехал в опорный пункт милиции, на территории которого дымил завод. Там, угощаясь заваренным до чефирной крепости чаем и читая купленную по дороге районную газету, я с интересом узнавал подробности олигархо-масонского заговора, жертвой которого пала наша промышленность. Украденная накануне платина красной строкой проходила через всю статью, броско названную автором «Преступление десятилетия».

Василич (так все звали местного опера) в это время вёл непростые, судя по обилию крепких выражений, телефонные переговоры с вышестоящим начальством. После он таинственным шёпотом посвятил меня в план предстоящего расследования. Разработку международного канала сбыта украденной платины берёт на себя КГБ, местных сбытчиков берёт на себя он, а мне достаётся менее трудоёмкая, но не менее почётная роль — искать концы этой криминальной цепочки в самой лаборатории.

Он вручил мне материалы по кражам из неё за этот год. Затем обречённо вздохнул и, потирая бок в районе печени, твёрдо зашагал в посёлок. С любопытством прочитав дела, я уяснил, что воров в лаборатории интересовали только две вещи: сухая щёлочь, которая хранилась в металлических бочках в конце коридора, а также спирт, с непонятными мне целями выдававшийся раз в месяц под расписку заведующему.

Подтверждалась и его правота насчёт того, что шляются там все кому не лень. По-

следнюю кражу спирта рабочие совершили в обеденный перерыв, вынеся железный ящик с бутылкой внутри прямо у него из кабинета. Замок на ящике упорно не хотел поддаваться, и тогда мужики, не мудрствуя лукаво, трясли ящик до тех пор, пока она не разбилась, а драгоценная жидкость не вылилась в заранее приготовленный таз.

В этот раз народ знал имена своих героев, и мне захотелось побеседовать с ними лично. Тем более, что все трое были под подпиской о невыезде и продолжали трудиться в одном цехе неподалёку от лаборатории. Кстати, в тот же день, что и платина, снова пропал спирт. Как всякий начинающий сыщик, я слышал, что преступник возвращается на место преступления. Или просто следуя житейской мудрости — идут туда, где есть чем поживиться. Также я попутно решил провести рекогносцировку на местности, а если честно, просто чуть не заблудился, плутая по изрядно заросшей заводской территории, чтобы отыскать нужный цех. Так я познакомился с местными контрабандистами.

Идя через кусты по твёрдо натоптанной тропе, неожиданно упёрся в широкую щель забора, за которой виднелись почерневшие избы посёлка. А повстречавшийся мне на обратном пути мужик в спецовке любезно предложил приобрести разведённого польского спирта «Ройал», заломив за поллитровку в два раза дороже, чем в городе. Впрочем, цены на водку и спирт в жёлтых железных киосках на остановке у посёлка тоже кусались, и желание работяг раздобыть спиртного на халяву было легко объяснимо.

Побеседовать с любителями выпить я решил прямо в пропахшей железной окалиной слесарке. К моему приходу три мужика сидели на скамейке в цеховой курилке. Разговор под протокол не клеился. Насторожённо косясь на ручку и бумагу, все трое односложно отвечали, что всё уже рассказывали раньше. Решив, что так из них ничего не вытянешь, я вспомнил, чему меня учили старшие товарищи. Пригодился и солдатский опыт расследования казарменного воровства.

Не жалея для общественного дела сигарет, я всё же смог убедить одного из работяг, что мне точно известно, что и во второй раз за спиртом в лабораторию залезли именно они. А единственная причина, заставляющая меня возвращаться к этому пустяковому эпизоду — кража платины, за помощь, в расследовании которой я помогу забыть не только про эту, но, пожалуй, и про первую бутылку тоже. Сублинный кудрявый мужичок, оживившийся от неожиданно открывшейся перспективы, пообещал выложить всё как на духу. И рассказал всё по минутам, когда пошли за спиртом, как узнали, где лежит, как взяли и отметили это дело тут же в кустах за лабораторией. Но на мои наводящие вопросы про платиновые тигли он лишь тарачил глаза и ничего сказать не мог. В конце концов, сожалея о даром потраченных сигаретах, я произнёс сакраментальную фразу:

— Продолжайте вести наблюдение, мы с вами свяжемся.

И потопал в лабораторию. В этот раз в обход по нормальной дороге. Завлаб, бородатый мужик в таком же, как у всех застиранном халате, узнав, кто я такой, приветливо улыбнулся мне, блеснув железными коронками. Мне тоже сразу захотелось сделать ему в ответ что нибудь приятное, и я рассказал о том, что знаю, кто в последний раз украл у него спирт. Чему он и правда обрадовался и позвал в кабинет разделить свою радость какую-то женщину, которая оказалась материально ответственным лицом. Лицо у неё и вправду несло следы чрезвычайной ответственности, напоминающие больше о преждевременно наступающей старости. Это была та самая Мелентьина О. Н., которую мы вчера не дождались, чтобы изнутри осмотреть сейф. Известие о раскаявшихся забулдыгах и вправду тронуло робкой улыбкой скорбную складку её губ, вот только слетевший с них вопрос поставил в тупик и меня, и завлаба.

— А тигли? Где тигли?

— Тигли ещё ищем, — твёрдо отвечал я. — На это брошены все силы.

— Ну как же! — никак не унималась она. — Они же все были вместе, в одном сейфе.

Тут настала очередь растерянно улыбаться мне. Оказалось, что завлаб, убедившись в ненадёжности своего кабинета, доверил ей перепрятать спирт. А она убрала заветную бутылку в самый большой и надёжный сейф, в котором хранились остальные ценности лаборатории. Чем не преминула тут же поделиться с подружками, а вот начальника не предупредила — «забегалась».

Вспыхнувшая в моём мозгу ярким светом картина заставила меня немедленно действовать. На негнущихся ногах я выбежал из кабинета и напрямик через кусты побежал обратно в цех. Мысли в голове подпрыгивали на бегу и лихорадочно сменяли одна другую от панической: «Они обо всём догадались, не успею!» До трусливой: «Как же я теперь к ним один, без пистолета?».

В слесарке уже никого не было. Обежав весь цех я нос к носу столкнулся с моим кудрявым агентом у выхода из цехового туалета:

— Где? Где? То, что ещё в сейфе взяли, слышишь, где?

В конце концов, перепуганный мужик, заикаясь, выдал из себя, что в сейфе кроме бутылки со спиртом уже ничего не было — только стаканы.

— Какие ещё стаканы? Железные? Тяжёлые? Зачем взяли? Что-о?! Спирт из них пить?! А что потом? Выкинули?!

Дело было как раз за лабораторией. Небольшую поросшую травой поляну со всех сторон закрывали уже почти облетевшие кусты боярышника. Посредине виднелось замшелое бетонное кольцо выходившего из земли канализационного колодца, наверху которого темнела чугунная крышка. За этим-то импровизированным столом, под настраивающий на философский лад шум сточных вод и состоялось пиршество из «золотой» посуды. С помощью завлаба, его женской команды и цеховых, сбежавшихся на выручку к товарищу, я быстро отыскал под опавшей листвой три небольших — размером с консервную банку, но толстостенных

и тяжёлых «стакана». Потом поставил сырые от прилипших листьев драгоценные посудины на всеобщее обозрение — на крышку канализационного люка.

Первым захохотал завлаб, а потом подхватили остальные. Я смеялся вместе со всеми. Всё-таки весёлое было время — хоть и дикое, но весёлое.